

Странно — ей совсем не было холодно. И даже sentimentalный озноб не пробрал, как ожидалось. Ей вообще было никак. Хотя должны же быть какие-то эмоции — отечество ведь, родные края. Пусть и в образе утреннего стылого вокзала. Еще ночью, лежа на верхней полке плацкартного, старческой дрожью исходящего вагона, она представляла, как обрыдается, только-только шагнув на перрон... И еще думала, что сильно замерзнет с непривычки. Октябрь все-таки. Кто ездил сюда, все дружно рассказывали, как мерзли первое время после тридцатиградусной душанбинской жары.

Высыпавшие из поезда таджики деловито брели по перрону, сжавшись от холода, толкали ее со всех сторон. А она ничего не чувствовала. Действительно, очень странно. Не выдал организм ни единого старательно запланированного всплеска, ничего вообще внутри не было, кроме тревожной усталости, взболтанной трехсуточной вагонной тряской.

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Диля, чего ты встала? Пойдем скорее! Холодно! Сама же просила вывести на автобусную остановку. Вон, мама уже далеко ушла...

От писклявого голоса Ойнихол, пятнадцатилетней девчонки-попутчицы, она вздрогнула, сжала в ладони мягкую ручонку Алишера. Он тоже будто застыл на месте, таращился на толпу сонными глазенками.

— Алик, пойдем... — сказала сыну Диля. — Возьми вот этот пакет. Он легкий.

— А ты? — тут же очнулся малыш. — Давай я лучше вон ту сумку понесу! У тебя же еще чемодан!

— Я сама ее понесу! Не поднимай! Поставь, я сказала! Пойдем, пойдем быстрее, а то отстанем...

Бестолково похватав свои пожитки, они потрусили вслед за толпой к черному провалу подземного перехода. На бегу Диля таки успела привстать на цыпочки, торопливо отыскала среди голов красно-серебристый платок матери Ойнихол, повязанный тюрбаном вокруг головы. Надо бы ее догнать. Попрощаться по-человечески. Хорошие им с Алишером попутчицы достались. Душевные. Может, потому и душевные, что знали, куда едут. Муж и отец семейства прочно осел у местного хозяина, подрядившись охранять,

Особое выражение лица

а заодно и достраивать загородный дом. Оттого и жену с дочкой к себе давно выписал. Третий год уже на этих заработках живут. Даже в Душанбе умудрились съездить, родственников повидать.

А Диля в отличие от них «в никуда» приехала. Хотя и не совсем «в никуда». Здесь вообще-то мамина настоящая русская родина. Отечество. А раз мамино отечество, то и ее, стало быть, наполовину тоже. Только оно об этом пока не догадывается, потому и сентиментальной встречи не получилось. Действительно, с чего это ради холодный уральский город должен встретить ее, по паспортным данным таджичку, открытыми ностальгическими объятиями? В паспорте же не написано, что ее мама, Мария Федоровна Коновалова, родом из этих мест. А сама она, дочка Марии Федоровны Коноваловой, хоть и числится от рождения Дилфузой Салоховой, а город этот по маминым рассказам как свои пять пальцев знает. Но городу до этого ни жарко ни холодно — подумаешь, знает и знает... Ему бы на своих, на кровных эти объятия растянуть, а на чужих, приехавших искать хоть капельку трудового материального счастья, он, говорят, другими глазами смотрит. Сухими, административными глазами чиновников от мигра-

ВЕРА КОЛОЧКОВА

ции да глазами алчных до дешевизны рабочей силы работодателей.

Да, так говорят. Порой с большой обидой говорят. Всякое про этот большой уральский город рассказывают. Как он встречает, чем кормит, как откровенно брезгливо глядит, как наживается на взятках и посредничестве, а потом административно и безжалостно выдворяет, как не слушает слезных причитаний про то, что кормить семью не на что, и дом строить не на что, и свадьбу детям играть тоже не на что. Душанбинские мужчины — мужья, братья, отцы, сыновья — все рано ездили, добывали здесь деньги, кормили свои семьи. Дия слушала чужие рассказы, замирала наполовину русской маминой душой и то ли не верила, то ли нарочито отстранялась, одновременно пытаясь выделить из полученной информации свое золото. Свою правду. Не должно быть так, как рассказывают эти люди. Не должно, и все тут.

Она, кстати, пока в поезде ехала, очень хорошую статью в журнале прочитала. Про наступающие времена толерантности. И про пресловутое «особое выражение лица» местного жителя прочитала, которое в той статье с проскальзывающим меж строчек юмором было описано. Якобы оно, это особое выра-

Особое выражение лица

жение лица, немедленно пропечатывается маской горделивой отстраненности, когда речь о таджикских гастарбайтерах заходит. Вроде того — нет нам никакого дела, зачем вы сюда «понаехали». А с другой стороны, так и прет, и ползет наружу брезгливое любопытство, и ничем его не удержишь, и даже вошедшими в моду рассуждениями о толерантности не удержишь. Ох уж эта толерантность, которую европейские свободомыслящие буржуи выдумали на бедные чиновничьи головы! И никуда от нее не денешься, и полагается теперь, если хочешь быть «аки они», европейцы то есть, напрягать лицо да прятать куда подальше свою брезгливую отстраненность, и чтобы она даже легкой гримаской пробежать не смела. Иначе запишут тебя в «отстой», в старую формацию, и вся карьера прахом пойдет. Вот и горит некий чиновник демократическими стараниями, пучится толерантностью, а в итоге, если приглядеться, все равно выползает наружу то самое особое выражение лица с припрятанной глубоко брезгливостью к цвету кожи, к акценту, к дешевой теплой одежде, к женским платкам на голове, к черным вязаным шапкам, напоминающим по форме тубетейки. Нет, правда, хорошая статья попалась, молодец журналист...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

— Э! Ты куда прешь, зараза, со своим баулом? Людей не видишь, что ли? Прямо по ноге проехала, мать твою...

От резкого толчка в плечо Диля чуть не упала, завалилась неловко на Алишера, неуклюже поддав ему по головенке сумкой. Выпрямившись, заморгала испуганно в лицо белобрысому парню в черной засаленной куртке.

— Извините... Извините, я задумалась...

— Подь ты к лешему! Нашла где думать! На базаре у себя в Ташкенте будешь думать! А здесь надо под ноги смотреть! Понаехало вас тут, черномазых...

Оп-па! Вот и первое приветствие тебе, дорогая, от родного наполовину города. Вот и вся тебе толерантность. Ишь, как злобно на нее этот белобрысый вызверился. Хотя и не стоит он того, чтобы поспешные выводы делать. Не эталон. Кроссовки рваные, джинсы грязные, глаза на пыльном лице больные и перегаром несет. Нет, не эталон.

— А мы не из Ташкента приехали, мы из Душанбе! — подал снизу обиженную звонкую реплику Алишер. — И не ругайтесь на нас, пожалуйста, дяденька! Мама случайно вам на ногу чемоданом наехала!

Парень обалдело моргнул, уставился на Алишера так, будто он был не ребенком,

Особое выражение лица

а маленькой говорящей обезьянкой, потом оскорбился лицом, потом пробежало по нему удивленное презрение, упреждая уже проклянувшиеся из этих эмоций матюки.

Диля матюков ждать не стала. Подхватив выпавшую из рук сумку, быстренько сдвинулась с места, увлекая за собой Алишера. Громоздкий чемодан глухо и спасительно загрохотал по неровным плитам подземного перехода, перекрывая отправленную ей в спину злую словесную грязь. Хотя Диле было уже не до нее — красный таджикский платок пропал из виду, и она замедлила шаги, суетливо начала озираться по сторонам.

— Диля! Диля! Мы здесь! — вспорхнула над головами тоненькая ручка Ойнихол, и Диля резво рванула в ее сторону, одновременно ругнув себя за испуганную суетливость. Что это она, в самом деле? Сама автобусную остановку не найдет, что ли? Можно же спросить, подскажут. Как-то мама интересно в этом случае выражалась, забавной такой русской поговоркой... А, вспомнила! Язык до Киева доведет, вот как!

Ойнихол с матерью стояли на выходе из больших вокзальных дверей, переступали ногами в нетерпеливом ожидании.

— Вон туда, прямо, через площадь иди, — указала ей направление молчаливая полная

ВЕРА КОЛОЧКОВА

таджичка-попутчица, мать Ойнихол, — там переход будет, длинный такой, выйдешь, еще немного прямо пройдешь. Там автобус, троллейбус ходит. Сама спросишь, подскажут.

Диля покивала благодарно, улыбнулась на прощание Ойнихол. Хорошая девчонка. Жаль, скоро отец замуж отдаст. Всю дорогу девчонка ей хвастала — уж и с семьей жениха все обговорено, и свадьба на следующее лето назначена, к ее шестнадцатилетию. Ойнихол и видела этого жениха всего один раз, а радуется так, будто ей невероятное социальное счастье выпало. Еще и ее, Дилю, жалеть принялась — без мужа, мол, с ребенком на руках, едет одна в незнакомый город... Пропавшее создание, одним словом! Диля с ней и не спорила. Уже привыкла не спорить. Не станешь же всякому рассказывать, что она не совсем таджичка и что живет у нее в душе строптивное неприятие к женскому по-таджикски замужнему счастью. С генами досталось. От русской мамы. Мама умерла, а гены остались — куда ж от них денешься.

Хотя в поезде попутчицам таки призналась, что она наполовину русская. Не утерпела. И даже попросила называть ее не Дилей, а Диной. Чтобы привыкнуть. Она давно уже для себя решила — как только сойдет с поезда,

Особое выражение лица

про Дилю забудет. Она Дина! Она русская! Ну, почти русская...

По привокзальной площади гулял холодный сырой ветер, несло гарью и невкусным прогорклым запахом жарящегося в масле теста. Огромные гранитные мужики на постаменте гордо стояли черными лицами к городу, будто всматривались подозрительно в его суету.

— Мам, а кто они? — дернул ее снизу за руку Алишер, показывая на памятник.

— Не знаю... Пойдем скорее, холодно.

— А говорила, что все про этот город знаешь...

— Отстань, Алик! Смотри лучше под ноги. Вон, сейчас по лестнице в переход будем спускаться! Видишь, народу сколько? Того и гляди, затопчут...

Выйдя на автобусную остановку и кучкой сложив сумки вокруг чемодана, Диля распрямилась, перевела наконец дух. Надо постоять, собраться с мыслями. Хотя, наверное, и не стоит их собирать в одну кучку, эти мысли. Потому что, собранные в кучку, они тут же выдают общий тревожный сигнал — куда приехала, дурочка? Зачем приехала? Кто тебя ждет? Кому ты здесь нужна, полукровка? Да если б даже и «полная кровка» была, все равно никто бы не ждал...

ВЕРА КОЛОЧКОВА

Сердито мотнув головой, будто отгоняя тревожные мысли, она достала из сумки старую открытку с пышной веткой сирени на лицевой стороне, нарочито внимательно взгляделась в написанный справа адрес. Хотя чего в него вглядываться, она его давно наизусть знает, этот адрес со старой открытки, маминой рукой написанный. Улица Комсомольская, дом сорок три, квартира двенадцать. В строчке «кому» аккуратно выведено имя — Таня Дервянко. Интересно, почему мама эту открытку не отправила? Забыла, что ли? Текст вроде самый обычный — поздравляю с праздником Первое мая, желаю успехов в труде и счастья в личной жизни...

Про Таню Дервянко мама раньше ей много рассказывала. Подружились они в медучилище, жили в общежитии вместе, успели срастись юными душами. Потом разъехались по своим деревням, но письма друг другу писали длинные, подробные. Раньше принято было так — письма писать. Все про свою жизнь рассказывать. Мама смеялась — это, мол, целая эпистолярная наука была. Дневники чужой и своей жизни. Крики души. Порывы. Откровения. Особый такой вид дружеского общения.

А потом они, Таня и мама, практически одновременно замуж выскочили и чуть было

Особое выражение лица

не потеряли друг друга с переменной адресов. Таня нашла свою судьбу в лице приехавшего к ним в деревню «на картошку» слесаря Сереги Деревянко, прописанного в городе аккурат по адресу, что на открытке с сиренью, а маму увез в Душанбе врач-практикант Амирчон Салохов, закончивший местный медицинский институт, как тогда говорили, «по разнарядке» от советской республики-сестры Таджикистан. Мама догадалась отправить из Душанбе письмо Таниным родителям, и те не поскупились, отписали ей новый городской адрес дочери.

Они и потом, будучи разорванными расстоянием, долго еще переписывались, мама и Таня Деревянко. По-прежнему изливали на бумаге душу. Мама за эту письменную дружбу очень цеплялась, говорила, будто бы она единственной ниточкой ее с прежней жизнью связывает. Хотя и было это странно, насчет единственной ниточки. У мамы на родине, в глухой уральской деревне, сестра старшая осталась, но мама про нее никогда не рассказывала. И отец молчал. Он тоже мамину сестру знал, поскольку на практику его из института именно в ту деревню и отправили. Однажды Диля прямо с ножом к горлу к маме пристала — Расскажи да Расскажи про ту свою жизнь. Может, в гости в Россию, мол, съездим? Хочется же! Так,